

Ф и л о с о ф и я

УДК 130.2:2

И.Ю. Куляскина

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПУШКИНА В РЕЦЕПЦИИ С.Л. ФРАНКА

Статья посвящена реконструкции и анализу воззрений С.Л. Франка на религиозность великого русского поэта А.С. Пушкина, творчество и сама личность которого оказали существенное влияние на развитие русской культуры.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, С.Л. Франк, поэзия, религиозное сознание, безверие, церковь, мировоззрение.

PUSHKIN'S RELIGIOSITY IN PERCEPTION OF S.L. FRANK

The article is devoted to reconstruction and analysis of S.L. Frank's view on the question of religiosity of outstanding Russian poet A.S. Pushkin, whose creative work and personality itself exert great influence upon development of Russian culture.

Key words: A.S. Pushkin, S.L. Frank, poetry, religious consciousness, unbelief, church, word-outlook.

Значение темы религиозности Пушкина выразил сам С.Л. Франк, который увидел его прежде всего в том, что, «это есть в известном смысле проблема русского национального самосознания». «Ибо гений – и в первую очередь гений поэта – есть всегда самое яркое и показательное выражение народной души в ее субстанциальной первооснове» [1, с. 213]. Соответственно, исследовав характер мироощущения великого русского поэта, мы получаем возможность лучше познать особенности российской культуры, а посредством этого знания – постичь специфику того, что называют русским национальным характером.

На вопрос, был ли А.С. Пушкин человеком религиозным, нет однозначного ответа, хотя для Франка ответ на этот вопрос очевиден. «В безмерно богатом и глубоком содержании духовного мира Пушкина, – утверждает он, – религиозное чувство играет первостепенную роль» [там же]. Между тем в отечественной литературе, особенно советского периода, широкое распространение получило представление о его безбожии. Это обстоятельство придает размышлениям Франка о религиозности поэта дополнительный интерес. Необходимо не просто ответить на вопрос, был ли Пушкин религиозным человеком или нет, а определить характер его религиозности, уточнить, каковы были ее характер и степень, а также каким образом и в какой мере религиозность поэта оказала влияние на содержание всего его творчества. И, наконец, к тому, что писал о значении указанной темы Франк, можно добавить, что, говоря о его рецепции религиозности Пушкина, мы получаем возможность углубить и уточнить воззрения самого философа на сущность религиозности как формы сознания.

Прежде всего необходимо отметить, что Франк рассматривает религиозность как сложный многоаспектный феномен; он различает в нем религиозное сознание, религиозное чувство и религиозное мироощущение. Кроме того, обращаясь к теме религиозности Пушкина, философ выделяет применительно к его творчеству еще два аспекта: 1) религиозную мысль и религиозное содержание духовной жизни и творчества поэта, 2) религиозный дух его поэзии. Не берясь рассматривать религиозность Пушкина во всех ее проявлениях, Франк заявляет, что целью его размышления является только первый аспект. Тем не менее он все-таки касается религиозных мотивов в пушкинской поэзии. Еще одной важной предпосылкой анализа стало глубокое убеждение Франка в искренности творчества Пушкина, который, по его мнению, не «сочинял» на заданную тему, а сделал поэтическое творчество средством выражения и отражения своей внутренней духовной жизни.

Уже у юного поэта Франк насчитывает три тенденции, определяющие его «духовный склад»: во-первых, это склонность к трагическому «жизнеощущению», во-вторых, религиозное восприятие красоты и художественного творчества и, в-третьих, «стремление к тайной, скрытой от людей духовной мудрости» [1, с. 215]. Выделение Франком названных тенденций свидетельствует о довольно широком толковании им самого понятия «религиозность»: это не только вера в существование сверхъестественного начала, ощущение его присутствия, но и обращенность сознания к экзистенциальным вопросам.

Так, признавая, что в детстве и ранней юности Александр Пушкин пребывал в среде, проникнутой настроением «просветительского эпикуреизма в духе французской литературы XVIII века», Франк настаивает, что этот дух, тем не менее, не оказал сколько-нибудь серьезного и глубокого влияния на мировоззрение юного поэта. Тогда как религиозное настроение проявляется у него достаточно отчетливо прежде всего в трагическом мироощущении. В качестве доказательства философ приводит многочисленные примеры из ранних стихов поэта: «дышать уныньем – мой удел», «моя стезя печальна и темна», «вся жизнь моя – печальный мрак ненастья», «душа полна невольной грустной думой», «и ты со мной, о лира, приуныла, наперсница души моей больной, твоей струны печален звон глухой, и лишь тоски ты голос не забыла», «с минут бесчувственных рожденья до нежных юношества лет я все не знаю наслажденья, и счастья в томном сердце нет». На взгляд Франка, эти высказывания нельзя расценивать просто как «литературный прием и отражение моды», поскольку такие настроения «сопровождают всю жизнь Пушкина и выражены в самых глубоких и оригинальных уверениях его зрелой лирики» [1, с. 217]. Подобная оценка настроения лицейских стихов Пушкина обусловлена, очевидно, тем, что сам философ считает: настроения тоски и трагизма – это «необходимое преддверие к религиозному пробуждению души» [там же]. Здесь со всей очевидностью обнаруживается специфичность понимания религиозности самим Франком, еще в 1910 г. в статье «Памяти Льва Толстого» высказавшем мысль, что суть религиозного сознания состоит в экзистенциальном характере его содержания. «Человек, никогда не задумывающийся над фактом смерти, – писал он тогда, – будет всегда чужд религии, и, наоборот, человек, всецело одержимый мыслью о смерти, всегда испытывает религиозные чувства, каково бы ни было его сознательное мировоззрение» [2, с. 450]. Видимо, поэтому религиозное восприятие поэзии и поэтического вдохновения юного поэта Франк называет «первым религиозным откровением, данным ему от самого рождения» [1, с. 217].

Справедливость, однако, требует признать, что лицеист Пушкин был подвержен религиозным сомнениям. Об этом свидетельствует стихотворение «Безверие», написанное им для выпускного лицейского экзамена в 1817 г. и описывающее «трагическую безнадежность сердца, неспособного к религиозной вере». Тем не менее, анализируя его, Франк обращает внимание на фразу, которая, по его мнению, «бросает свет на духовное состояние» юного поэта: «ум ищет Божества, а сердце не находит». При этом определяющим в этом высказывании он считает сам факт поисков Божества, а не их

безуспешность. В пользу утверждения Франк говорит то обстоятельство, что это стихотворение позднее показалось автору художественно слабым сочинением и было исключено им из позднейших изданий.

Традиционно свидетельством безбожия Пушкина называют также пресловутое «буйство» его творчества в молодые годы, включая самую буйную эпоху его жизни в Кишиневе. Однако Франк усматривает в стихах этого периода, с одной стороны, маску, «личину», ссылаясь на замечание Пушкина о «притворной личине порочности» Байрона, а с другой, – протестом против духовного лицемерия, выражавшегося в тот период в виде моды на мистицизм. Он солидаризируется с оценкой поэтического «буйства» Пушкина Бартневым, одним из первых биографов поэта [3]. Согласно этой оценке, Пушкин не только не заботился о том, чтобы устранить противоречие между низшим и высшим началами своей души, но, «напротив, прикидывался буйном, развратником, каким-то яростным вольнодумцем. Это состояние можно было бы назвать юродством поэта» [4, с. 196]. Более того, в автобиографическом послании к Чаадаеву, относящемся именно к этому периоду, Франк видит свидетельство «почти монашеской отрешенности и тихой умудренности внутренней духовной жизни» [1, с. 214]. Он настаивает, что «...”кошунства” Пушкина вообще не должны идти в счет при определении его подлинного, серьезного образа мыслей и чувств в отношении религии» [1, с. 215]. При этом наиболее репрезентативными свидетельствами религиозности Пушкина философ считает автобиографический материал и все серьезные произведения его поэзии. «Нам представляется, – пишет он, – очевидным парадоксальный факт: Пушкин преодолел свое безверие (которое было в эти годы скорее настроением, чем убеждением) на чисто *интеллектуальном* пути: он усмотрел глупость, умственную поверхность обычного “просветительского” отрицания» [1, с. 219].

В связи с этим отдельного рассмотрения Франком удостоивается известное письмо Пушкина из Одессы (1824), которое также традиционно принято рассматривать как свидетельство безверия и даже атеизма поэта. Однако философ приписывает ему прямо противоположный смысл; он подчеркивает два момента в пушкинском письме: во-первых, «умный афей» (т.е. атеист), встреченный по этому на жизненном пути (речь идет о У. Хатчисоне, домашнем враче графа Воронцова), оказался *единственным*, и, во-вторых, по словам самого поэта, его «система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная» [5, с. 70]. Франк обращает внимание, что У. Хатчисон был, по свидетельству самого поэта, *первый умный атеист*, которого он встретил в своей жизни. Очевидно, что все атеисты, которых он встречал прежде, умными, по его мнению, не были. Кроме того, письмо свидетельствует, что мироощущение Пушкина радикальным образом изменилось по сравнению с лицейским периодом: тогда он писал, что «ум ищет Божества, а сердце не находит», теперь, судя по всему, сердцем поэт ищет Бога, а атеистическое учение представляется уму, *к несчастью*, правдоподобным.

Здесь уместно вспомнить о введенном Франком понятии «скорбного неверия», характеризующем такое состояние души, когда она ориентирована на высшие – духовные – ценности, а вера в их онтологическую укорененность отсутствует. Соответственно вместе с ней отсутствует и надежда на торжество в мире добра и света. При этом философ доказывал, что скорбное неверие ближе к вере, нежели к безбожию [6].

С конца 20-х гг. и до конца жизни поэта в нем, по мнению Франка, идет непрерывный процесс созревания и углубления духовной мудрости. И главным проявлением этого процесса является «нарастание глубокого религиозного сознания», о чем «одинаково свидетельствуют и поэтические его творения, и прозаические работы, и автобиографические записи». Он решительно заявляет, что «поистине, нужна исключительная слепота или тенденциозность многих современных пушкиноведов, чтобы отрицать этот совершенно бесспорный факт» [1, с. 220]. В доказательство Франк приводит

длинный перечень поэтических сочинений Пушкина, в том числе такие стихи как «Ангел» («В дверях эдема...»), «Монастырь на Казбеке», «Стансы митр. Филарету», «Напрасно я бегу к сионским высотам», «Когда великое свершилось торжество» и др. Вершиной религиозной поэзии Пушкина стало стихотворение «Отцы-пустынники», которое, как известно, является переложением молитвы Ефрема Сирина.

Надо отметить, что в признании факта наличия религиозности у Пушкина Франк не был одинок, но расходился с некоторыми в понимании характера и содержания этой религиозности. Так, он, с одной стороны, солидаризируется с К. Леонтьевым, который упрекал Достоевского в том, что тот в своей известной речи превратил «чувственного, языческого, героического» Пушкина в смиренного христианина, а с другой, – критикует за односторонность характеристику, данную Пушкину самим Леонтьевым. Одновременно он критикует позицию Гершензона, изложенную им в статье «Мудрость Пушкина», называя ее «образцом невыносимой искусственности» [см.: 1, с. 221].

Сам Франк считает, что к концу жизни поэта у него сформировалось глубоко христиански-религиозное настроение, о чем свидетельствуют как прозаические, так и поэтические сочинения. Он цитирует строки из отзыва поэта о книге Сильвио Пеллики (1836), которые, действительно, не оставляют сомнений в христианском характере пушкинской религиозности: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицей народов, она не заключает уже для нас ничего неизвестного; книга сия называется Евангелием – и такова ее вечная прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие» [7]. Очевидно, что Франк целиком разделяет это мнение Пушкина об Евангелии, что достаточно убедительно говорит о собственной религиозности философа. Можно предположить, что он переносит на Пушкина свое собственное религиозное мироощущение, что оказывается для него достаточным основанием, чтобы утверждать христианский характер пушкинского мировосприятия.

Сложнее обстоит дело с религиозными мотивами пушкинской поэзии. В поэтическом наследии великого поэта редко встречается прямое обращение к христианскому вероучению. «Религиозность поэтического жизнеощущения, – пишет по этому поводу философ, – конечно, никогда не может вписаться в рамки определенного догматического содержания – в особенности же в отношении Пушкина, который всегда и во всем многосторонен. Всякая попытка приписать Пушкину-поэту однозначно определенное религиозное или философское мирозерцание заранее обречена на неудачу, будучи по существу неадекватной своему предмету» [1, с. 221]. Тем не менее, считает Франк, религиозность Пушкина, несмотря на указанные обстоятельства, «можно довольно точно зафиксировать» [1, с. 221]. И сделать это можно не иначе, как изучив мотивы его поэзии.

Первым и основным мотивом пушкинского поэтического творчества Франк считает «религиозное восприятие самой поэзии и сущности поэтического вдохновения». «Для Пушкина, – пишет он, – поэтическое вдохновение было... подлинным религиозным откровением: вдохновение определено тем, что “божественный глагол” касается “слуха чуткого” поэта. Именно поэтому “служенье муз не терпит суеты: прекрасное должно быть величаво”. Только из этого сознания абсолютного религиозного смысла поэзии (поэта как “служителя алтаря”) может быть удовлетворительно понят и объяснен общеизвестный страстный и постоянный протест Пушкина против тенденции утилитарно-морального использования поэзии». Поскольку для него поэзия сама уже есть “молитва” (“мы рождены... для звуков сладких и молитв”), постольку ее «самодовлеющее верховное, неприкосновенное ни для каких земных нужд» значение представляется Франку самоочевидным. «Поэт, – пишет он,

подчеркивая священный характер поэтического творчества в глазах Пушкина, – подобно пророку, знает лишь одну цель: исполнившись волей Божией, “глаголом жечь сердца людей”» [1, с. 222].

Второй мотив Франк связывает с первым – это религиозное восприятие красоты. Прежде всего красоты в природе. Религиозно ощущаются Пушкиным, как «светил небесных дивный хор», «шум морской» – этот «немолчный шепот Нереид», «хвалебный гимн отцу миров», так и разрушительная стихия наводнения, которая есть для него «божия стихия». Всё страшное в природе, «что гибелью грозит», – и мрачная бездна, и разъяренный океан, и аравийский ураган, и чума – рождает у него чувство мистического, «неизъяснимого» наслаждения, которое он ощущает как возможный залог бессмертия («бессмертья, может быть, залог»). Однако Франк предупреждает, что ощущение Пушкиным божественности природы не означает пантеистического характера его религиозного мировоззрения. Напротив, поэт неоднократно подчеркивает, что красота природы «равнодушна», «бесчувственна» к тоске человеческого сердца. Так, в «Медном всаднике» это – равнодушие природы, которое «багряницей утренней зари» уже прикрывает зло вчерашнего наводнения. Красота и величие природы есть след и выражение божественного начала, но сердце человека не может ими удовлетвориться. Оно стремится к иной, более человеческой красоте. И поэтому, хотя «прекрасно море в бурной мгле и небо в блестях без лазури», но «дева на скале прекрасней волн, небес и бури» [см.: 1, с. 222].

Еще один «эстетический источник религиозного жизнеощущения» Франк усматривает в эротизме, понимаемом как чувство божественной любви и женской красоты. И здесь философ вновь подчеркивает: надо научиться не принимать слова Пушкина за условно-банальный стиль эротической лирики, который он сам высмеивал, а брать их всерьез. Когда он видит в женщине «гений чистой красоты», то вместе с «вдохновением, жизнью, слезами и любовью» для его «упоенного» сердца просыпается и «божество». Для Франка очевиден глубокий религиозный смысл, который содержится в гимне совершенной женской красоте: «Все в ней гармония, все диво, все выше мира и страстей». «Чистота этого религиозно-эстетического чувства, – пишет он, – совершенно сознательно подчеркивается поэтом: “куда бы ты не поспешал, хоть на любовное свиданье... но, встреться с ней, смущенный, ты остановишься невольно, благоговей богомольно перед святыней красоты”» [1, с. 222-223].

Анализируя «эстетический источник религиозного жизнеощущения», Франк обращает внимание на то, что «в области эротической эстетики Пушкин не остается замкнутым в пределах земной действительности, а, напротив, именно на этом пути, говоря словами Достоевского, “соприкасается мирам иным”». Действительно, есть целый ряд стихотворений, в которых мысль о любимой женщине связывается поэтом с мыслью о загробной жизни. Таково, например, «заклинание» к «возлюбленной тени» – явиться вновь, чтобы снова выслушать признание в любви. Но свое завершение эта эротическая религиозность находит в известной песне о «бедном рыцаре», посвятившем свое сердце Пресвятой Деве. А настроение, выраженное в этом произведении, Франк находит духовно родственным основной религиозной интуиции Софии у Вл. Соловьева [см.: 1, с. 223].

В этом мотиве расхождение между традиционно-догматическим пониманием содержания религиозного чувства в христианстве и тем пониманием, которое предлагает Франк, наиболее существенно. Если преклонение перед красотой «мира Божьего» вписывается в христианско-догматическое мировосприятие, то красота женщины, которая неизбежно имеет чувственный оттенок, несовместима с его аскетическим характером. Для Франка же эротическая красота есть частный случай красоты вообще, которая онтологически выходит за рамки природного бытия и поэтому вполне совместима с религиозным сознанием [8].

Третий мотив Франк связывает с культом «домашнего очага», который находит свое символическое выражение в античном понятии «пенатов». Впервые «пенаты» упоминаются молодым Пушкиным в значении хранителей «сени уединения» и незримых слушателей стихов поэта в стихо-

творении «Разлука» (Кюхельбекеру, 1817). Достаточно отчетливо этот мотив выражен в юношеском стихотворении «Домовому» (1819):

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семьи моей обитель!

Франк обращает внимание, что для поэта домашний очаг и поэзия одинаково священны, что позволяет ему молить домового любить «зеленый скат холмов», луга, «прохладу лип и кленов шумный кров», мотивируя это тем, что «они знакомы вдохновенью» [1, с. 223-224].

В личной жизни Пушкина воплощением «алтаря пенатов», по мнению Франка, были два места – Михайловское и Царское Село (ср. «Вновь я посетил...» и «Воспоминания о Царском Селе»). В последнем стихотворении он подчеркивает своеобразное сочетание античного мотива пенатов с евангельским мотивом «блудного сына»: поэт, возвратившись после скитаний – внешних и внутренних – к родному месту, где впервые зародилась его духовная жизнь, ощущает себя блудным сыном, возвращающимся в отчий дом:

Так отрок Библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев, наконец, родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

«Родная обитель» выступает синонимом родины, отечества: «нам целый мир – пустыня, отечество нам – Царское Село». «Эта внутренняя связь, – утверждает Франк, – между “родной обителью” и “родиной” – основанная на едином чувстве укорененности личной духовной жизни в почве, из которой она произросла, ее связь с ближайшей родственной средой, которой она питается, – выражена у Пушкина в отрывке «Два чувства» [1, с. 224]. Уподобляя его «целой религиозной философией», Франк цитирует это стихотворение целиком:

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека, залог величия его...
Животворящая святыня!
Земля была без них мертва,
Без них наш тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без божества.

Франк особо отмечает «философскую точность» и строгость, с которой здесь «изображена связь духовного индивидуализма с духовной соборностью», что близко мировоззрению самого философа. «Любовь к родному пепелищу» органически связана с любовью к родному прошлому, к «отеческим гробам», и их единство есть фундамент и живой источник питания для личной независимости человека, для его «самостояния» как единственного «залога его величия». «Единство этого индивидуально-соборного существа духовной жизни пронизано религиозным началом: связь соборного начала с индивидуальной, личной духовной жизнью основана “по воле Бога самого” и есть для души “животворящая святыня”» [1, с. 225].

Еще один мотив религиозности Пушкина – это связь *нравственного* сознания и нравственного очищения души с сознанием религиозным, ведущая к духовному преображению личности. В резуль-

тате духовного преображения Пушкин приходит к аскетизму, но это очень своеобразный аскетизм: поэт хочет «жить, чтоб *мыслить* и *страдать*», стремится, чтобы его душа была «*чиста, печальна и покойна*». Этот аскетизм, отмечает Франк, «не содержит в себе ничего мрачного и ожесточенного: он означает, напротив, *просветление* души, победу над мятежными страстями высших духовных сил благоговения, любви и благоговения к людям и миру» [1, с. 226].

И, наконец, есть еще один вопрос, на котором Франк специально останавливается, анализируя религиозность Пушкина. Это вопрос об отношении поэта к разделению церквей. Прежде всего он обращает внимание на существенное расхождение позиций поэта и славянофилов. Суть этого расхождения состояла в том, что Хомяков, будучи «главным богословским представителем» славянофильства, отстаивал точку зрения, согласно которой восточная, православная церковь после разделения церквей осталась единственной подлинной церковью, т.е. единственным адекватным представителем подлинного христианства, тогда как католицизм и протестантизм нарушили основную заповедь христианской любви. Отсюда непримиримое отношение Хомякова к этим конфессиям. Тогда как в позиции Пушкина Франк усматривает своего рода экуменизм. Его (Пушкина) мысль, пишет Франк, «легко угадать, хотя она выражена лишь в кратких словах его писем». В качестве доказательства он цитирует письмо Пушкина к Чаадаеву, написанное в 1831 г.: «Вы усматриваете христианское единство в католицизме, т.е. в папе. Не заключено ли оно в идее Христа, которая содержится и в протестантизме? Первая идея была монархической, она становится теперь республиканской. Я плохо выражаюсь, но Вы меня поймете» [9, с. 285].

Не ограничиваясь письмом к Чаадаеву, Франк обращается к письму Пушкина, адресованному Вяземскому: «Не понимаю, за что Чаадаев с братией нападает на реформацию, т.е. на факт христианского духа. Что христианство в нем потеряло в своем единстве, оно приобрело в своей общедоступности» [там же]. Из этих достаточно кратких высказываний поэта Франк делает вывод, что Пушкин «считает нормальным постепенное развитие форм верований в христианской церкви и видит, что развитие совершалось на Западе» [9, с. 285]. Отношение поэта к православию Франк выявляет на основе анализа его сочинений, прежде всего «Бориса Годунова», где он усматривает «и глубокую сердечную симпатию к традиционному типу православного благочестия, и гениальную способность понять и художественно воспроизвести его». Франк считает, что Пушкин «отчетливо сознавал все значение православия для русского национального духа и для русской культуры» [там же]. И вновь философ демонстрирует глубокое знание наследия великого русского поэта, в котором он видит еще и выдающегося мыслителя. Он цитирует «Исторические замечания», написанные молодым поэтом еще в 1822 г.: «Греческое исповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особый национальный характер... Мы обязаны монахам нашей историей, следственно, и просвещением». И спустя годы (в 1836 г.) в уже цитированном письме к Чаадаеву решительно берет под защиту русское духовенство: «Русское духовенство до Феофана было достойно уважения: оно никогда не оскверняло себя мерзостями папства и, конечно, не вызвало бы реформации в минуту, когда человечество нуждалось больше всего в единстве» [9, с. 285]. При этом он далек от апологетического прославления современного ему духовенства и признает, что оно «отсталое» и видит причину этой «отсталости» в обособленности от «культурного слоя русского общества» [там же]. Таким образом, Франк доказывает, что Пушкин не только рассматривал православие как творческую силу в истории отечественной культуры, но и ощущал свою близость к «православному благочестию».

В целом Франк совершенно прав, когда рассматривает мировоззрение поэта не как нечто статичное и неизменное. Напротив, философ прослеживает его духовный путь от религиозных сомнений и поисков Бога к самобытной религиозности, включающей в себя элементы языческого – чувственного и героического – мироощущения и делает вывод, что к концу жизни Пушкин достигает мотивов

смирения и любви – основных мотивов христианской веры. Обнаруживая приверженность православию, он признает историческую ограниченность православной церкви, отказывается отгораживаться от католицизма и протестантизма каменной стеной; напротив, он видит в них потенциальный источник развития христианства. Тщательный анализ и глубокое психологическое проникновение Франка в духовный мир поэта позволило ему заявить, что Пушкин «обнаруживается нам как один из глубочайших гениев русского христианского духа» [1, с. 226]. В этом многогранном, не вмещающемся в догматические рамки, и все же цельном религиозном сознании выражается своеобразный *религиозный гуманизм* Пушкина [1, с. 225]. И с этим нельзя не согласиться.

-
1. Франк, С.Л. Религиозность Пушкина // С.Л. Франк. Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996. – 738 с.
 2. Франк, С.Л. Памяти Льва Толстого // С.Л. Франк. Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996. – 738 с.
 3. Бартнев Петр Иванович (1829-1912) – историк, археограф, библиограф, один из зачинателей изучения биографии А.С. Пушкина.
 4. Бартнев, П.И. О Пушкине. – М., 1992.
 5. Полицейская выписка из письма А.С. Пушкина предположительно к В.К. Кюхельбекеру // А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. – М.: Наука, 1977. – Т. 10.
 6. Подробнее о «скорбном неверии» см. статью И.Ю. Куляскиной «Франк о вере и неверии» // Вестник АмГУ. – 2017. – Вып. 76. – С. 26-31.
 7. Цит. по: Франк, С.Л. Религиозность Пушкина, с.221. Это отрывок из отзыва на второй перевод книги итальянского писателя Сильвио Пеллико (1789-1854) «Об обязанностях человека» // А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. – М.: Наука, 1977. – Т. 7. – С. 322. Цитируется с разночтениями.
 8. Подробнее о понимании Франком природы красоты и ее значении для человеческого существования см. статью И.Ю. Куляскиной «Атрибуты, онтологический статус и экзистенциальный модус прекрасного в философии С.Л. Франка» // Вестник АмГУ. – 2018. – Вып.82. – С. 3-9.
 9. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // С.Л. Франк. Русское мировоззрение / сост. и отв. ред. А.А. Ермичев. – СПб.: Наука, 1996. – С. 277-288.